

Правовое регулирование посмертной репродукции: статус эмбриона и пределы волеизъявления потенциальных родителей

П.П. Дроздов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются теоретические и практические аспекты правового регулирования применения вспомогательных репродуктивных технологий при хранении и имплантации эмбрионов после смерти одного или обоих потенциальных родителей. Кроме того выделяется ряд проблем, которые нуждаются в проработке и формировании предложений по совершенствованию действующего законодательства, связанных с наследственными правами детей, рожденных в результате посмертной репродукции эмбриона, а также права ребенка знать своих родителей. Более того, рассматриваются сложности, связанные с установлением отцовства и материнства в отношении таких детей, и круга субъектов, способных распоряжаться такими эмбрионами, подчеркивается необходимость разработки механизма волеизъявления родителей относительно судьбы эмбрионов.

Ключевые слова: посмертная репродукция, договор хранения эмбрионов, правовой статус эмбриона, вспомогательные репродуктивные технологии, установление происхождения детей, потенциальные родители.

На сегодняшний день технологии развиваются настолько быстро, что уже привычными являются невообразимые еще несколько десятилетий назад явления, одним из которых выступает применение вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). Одним из таких методов лечения бесплодия является управление процессом зачатия вне тела матери, так называемая процедура экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО), результатом которой является появление эмбриона *in vitro*, т. е. созданного в лабораторных условиях. Кроме того, современные медицинские технологии позволяют не только «создать» такой эмбрион, но и впоследствии его криоконсервировать и хранить в течение длительного срока в случае, если потенциальные родители не готовы на данный момент продолжить процедуру его «вживления» в тело матери и хотят отложить ее до наступления благоприятного для них момента.

Однако, вслед за технологическими прорывами неизбежно следует и правовая неопределенность относительно того, как следует регулировать данные явления. Но еще сложнее ситуация становится в том случае, когда данные проблемные вопросы возникают на практике и требуют должной

оценки в судебных разбирательствах, особенно в случае, если один или оба потенциальных родителя скончались до момента имплантации эмбриона.

Стоит отметить, что благодаря современным технологиям эмбрион можно использовать не только при жизни потенциальных родителей, но и после их смерти. На данный момент наблюдается увеличение количества обращений по вопросу использования криоконсервированного эмбриона после смерти близких родственников, что фактически является применением явления «посмертной репродукции». Привести корректные и объективные данные официальной статистики не представляется возможным, поскольку они составляют семейную тайну, предусмотренную ст. 23 Конституции Российской Федерации [1], однако, особенно в связи с проведением специальной военной операции (далее – СВО), наблюдается увеличение количества судебных разбирательств, связанных с правами детей, рожденных в результате посмертной репродукции, а также новостей, связанных с мерами поддержки семьям участников СВО, дети которых родились в результате применения данной процедуры. Так, губернатор Самарской области после обращения женщины, родившей с использованием генетического материала мужа, погибшего на СВО, поручил обеспечить проведение ЭКО для семей участников СВО за счет региона и фонда Обязательного медицинского страхования [5].

В этой связи особенной проблемой является установление отцовства, а в некоторых случаях и материнства для таких детей, а также приобретение ими всех предусмотренных прав, в том числе на наследование и получение льгот. Также не менее значимой проблемой является определение правового статуса эмбриона и субъекта, приобретающего права на распоряжение им.

По этому поводу высказал свою позицию и Конституционный Суд РФ, обратив внимание на несовершенство законодательства о статусе эмбрионов и детей, рожденных в результате посмертной репродукции. Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» (далее – постановление КС РФ № 6-П) [8] ч. 1 и 3 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» признаны не соответствующими Конституции РФ в той части, в которой они не предусматривают назначение страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачатому с помощью ВРТ после смерти застрахованного супруга его матери (который при жизни выразил намерение иметь детей с использованием ВРТ и в отношении которого впоследствии в судебном порядке установлен факт отцовства) и, соответственно, рожденному по истечении трехсот дней с момента смерти отца.

Данное постановление является прогрессивным не только потому, что определяет направления развития отечественного законодательства на ближайшие годы, но и является первым шагом по дальнейшему внесению изменений, которые должны защитить права детей, рожденных в результате посмертной репродукции.

Размышляя о правах постмортальных детей, которые после рождения ничем не отличаются от детей, зачатых при жизни родителей, следует обратить внимание на положение, предусмотренное п. 2 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3], согласно которому каждый ребенок имеет право знать своих родителей. Однако, если один или оба его родителя уже скончались до его рождения, а правовой механизм установления отцовства или материнства в отношении таких детей в должной степени не регламентирован действующим законодательством, то данное право является фактически нереализуемым, ведь презумпция отцовства, предусмотренная п. 2 ст. 48 СК РФ, согласно которой отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, действует только в течение указанного периода.

В то же время, учитывая длительный возможный срок хранения криоконсервированного эмбриона, который может достигать 5, 10, а в некоторых случаях и более лет, рождение ребенка от умершего несколько лет назад супруга уже находится за пределами действующего правового регулирования, а презумпция отцовства применена быть не может. Еще сложнее ситуация, если эмбрион был заморожен в период нахождения родителей в браке, а впоследствии до смерти потенциального отца ребенка брак был расторгнут, либо они в принципе не состояли в браке.

В таких случаях даже механизм по установлению отцовства и материнства в судебном порядке, предусмотренный постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [9] (далее – ППВС РФ № 16) не даст суду ответов о том, как верно разрешить такой спор. Единственным решением данной проблемы является установление отцовства в порядке ст. 49 СК РФ с применением молекулярно-генетической экспертизы по заявлению матери ребенка.

Иначе обстоят дела, когда с требованием к медицинской организации обращается не один из генетических родителей, а кто-то из их близких родственников, прося осуществить процедуру имплантации замороженного эмбриона, например, суррогатной матери. В таком случае после рождения ребенка встанет вопрос о том, кого в такой ситуации признать его родителем. С одной стороны, при обращении в орган ЗАГС за регистрацией рождения ребенка того самого близкого родственника-

инициатора применения ВРТ признавать его родителем ребенка было бы абсурдно, потому что фактически это лицо может приходиться ему иным родственником, например, бабушкой. Более того, такой генетический материал следует считать донорским, поскольку лицо, предоставившее его, уже скончалось, а у донора не возникает родительских прав и обязанностей к такому ребенку. Иное противоречило бы п. 32 ППВС РФ № 16, согласно которому рождение ребенка с использованием донорского генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет. С другой стороны, Е.В. Бурмистрова предполагает, что с точки зрения здравого смысла право ребенка воспитываться в семье, предусмотренное п. 2 ст. 54 СК РФ, будет реализовано лучшим образом, если его родителем будет признан близкий родственник, нежели это будет приемная семья или детский дом [4, с. 111]. С такой позицией сложно не согласиться, однако все же такое явление выглядит нелогичным с моральной и правовой точки зрения.

Интересным в данном случае является пример реализации данных измышлений на практике. Так, женщина, чей сын погиб от лейкоза, обратилась в клинику, где хранился его замороженный биоматериал, вместе с донором яйцеклеток и двумя суррогатными матерями, в результате чего было рождено четыре ребенка. Впоследствии она обратилась в орган ЗАГС с заявлением о регистрации факта рождения с указанием ее (фактической бабушки) в качестве матери детей, а ее умершего сына – в качестве отца детей. Однако орган ЗАГС отказал ей в регистрации факта рождения и данный отказ она попыталась оспорить в суде, который также отказал в удовлетворении ее заявления [6]. В данной ситуации возникает вопрос о дальнейшей судьбе этих детей, а также о их праве жить и воспитываться в семье, который остается без ответа.

Еще одним значимым моментом является само разрешение на использование генетического материала и эмбрионов после смерти потенциального родителя. В большинстве случаев при составлении согласия на выполнение криоконсервации медицинская организация, как и сам родитель, не уточняют, что делать с данным материалом после его смерти. Ведь в случае, если за услугой имплантации эмбриона обратится супруга умершего уже после его смерти, а согласие получено не было, то доказать правовым способом, что потенциальный родитель действительно хотел этого ребенка практически невозможно. Конечно этот вопрос можно решить заранее, если, например, отец страдает неизлечимым заболеванием, либо отправляется в зону боевых действий, он может предполагать, что не сможет дожить до процедуры имплантации эмбриона и заранее выразит свое согласие, но в основном этого не происходит.

В таком случае вопрос, как второму потенциальному родителю, либо иным родственникам доказать согласие на проведение такой операции, остается открытым. Единственным вариантом для разрешения такой ситуации на данный момент видится направление заявления в суд. Так, резонансным стало «прецедентное» решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области по делу № 2-5649/2025, которым удовлетворено заявление с требованием обязать «Клинический институт репродуктивной медицины» выполнить процедуру экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) с криоконсервированным биоматериалом лица, погибшего на СВО [11]. Интересным аспектом является тот факт, что заявительница не состояла в браке с погибшим, который предоставил свой биоматериал в клинике для создания эмбрионов, после чего неудачно произошла первая попытка оплодотворения. Тогда же погибший предоставил нотариально заверенное согласие на распоряжение его биоматериалом в случае, если он погибнет или утратит дееспособность, после чего отправился на СВО, где погиб при выполнении боевых задач.

Женщина обратилась в клинику для проведения повторной процедуры с другим эмбрионом, однако медицинская организация отказалась проводить операцию, ссылаясь на то, что для этого требуется подпись обоих будущих родителей, которую погибший предоставить уже не способен. Однако суд, учитывая обстоятельства по делу, а также неоспоримое наличие воли погибшего на использование эмбриона, выраженное в нотариально заверенном согласии, удовлетворил заявление, чем позволил начаться складываться практике о том, как разрешать похожие ситуации в правовом поле.

Тем самым предполагается, что принципиальным в таком случае будет являться наличие выраженного и заверенного установленным образом согласия, которое каждый из потенциальных родителей может дать до начала процедуры. В то же время остается неразрешенным вопрос, как поступать в случае, если такого согласия дано не было?

Представляется, что в целях устранения данной правовой неопределенности следует закрепить на законодательном уровне обязанность медицинских организаций при предоставлении пациенту формы согласия предусмотреть в ней специальное поле, где пациент мог бы выразить свою волю относительно судьбы эмбриона в случае его смерти. Аналогичную обязанность только уже по заполнению указанного поля следует предусмотреть и для самих пациентов. В то же время в этом случае нотариально удостоверенное согласие также будет являться доказательством наличия волеизъявления потенциального родителя для медицинской организации.

Более того, в указанной форме можно было бы предусмотреть и круг лиц, которые по своему желанию смогут воспользоваться правом по распоряжению эмбрионом, однако полагаем, что данное положение

может быть предусмотрено только при наличии нотариально удостоверенной доверенности или иной формы будущего документа, который могли бы выдавать нотариусы, поскольку позволит более верно и четко определить пределы для осуществления прав доверенными лицами.

Также при рассмотрении вопроса посмертной репродукции возникает проблема наследственных правоотношений детей зачатых и родившихся после смерти одного или обоих родителей. Высказывается позиция, с которой сложно не согласиться, что дети наследодателя после его смерти должны иметь право на наследство [7, с. 722]. Такое положение вещей означало бы равные права детей, зачатых как при жизни, так и после смерти наследодателя, и в полной мере отвечало бы интересам ребенка. В то же время в судебной практике нашло свое отражение противоположное мнение.

Так, Московским областным судом по делу № 33-4577/2022 вынесено апелляционное определение об оставлении решения суда первой инстанции без изменения [10]. Как следует из материалов дела, при жизни супруги истца, ими совместно было принято решение стать родителями, прибегнув к процедуре ЭКО, поскольку супруга по медицинским показаниям забеременеть естественным образом не могла. В результате оказания услуги был получен жизнеспособный эмбрион. Однако впоследствии супруга истца скончалась, а при наступлении такого события судьба эмбриона определяться должна истцом в соответствии с информационным добровольным согласием на хранение эмбриона его супруги. Впоследствии был заключен договор с суррогатной матерью и родился ребенок. Нотариусом при обращении истца и судом было отказано в признании наличия наследственных прав у ребенка по смыслу ст. 1116 Гражданского кодекса РФ [2].

Данное решение фактически подтверждает, что при посмертной репродукции ребенок не будет обладать наследственными правами по отношению к умершему родителю, что идет в разрез с позицией, отраженной в указанном выше постановлении Конституционного Суда РФ. Однако полагаем, что, учитывая подход, изложенный в данном постановлении, вполне вероятно, что в законодательство в скором времени будут внесены изменения, которые позволят изменить сложившуюся судебную практику по данному вопросу, чтобы ребенок, рожденный естественным образом, имел равные права с ребенком, рожденным в результате посмертной репродукции.

Таким образом, действующее законодательство по применению ВРТ находится только в стадии зарождения, но предпринимаются значимые попытки урегулировать спорные правоотношения, однако изменения происходят достаточно медленно. Полагаем, что для решения проблем, связанных с определением прав детей, рожденных в результате посмертной репродукции, а также пределов осуществления прав

потенциальных родителей и иных близких родственников в случае смерти донора, необходимо разработать специальное положение в форме информированного добровольного согласие на оказание услуг ЭКО, включив в него право каждого потенциального родителя определить дальнейшую судьбу эмбриона. Более того, необходимо привести наследственное законодательство в соответствие с постановлением КС РФ № 6-П, чтобы дети могли приобретать наследственные права в отношении своих умерших биологических родителей даже в случае, если имплантация эмбриона произошла уже после их смерти.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бурмистрова Е.В. Гражданско-правовое регулирование установления происхождения детей при применении вспомогательных репродуктивных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 168 с.
5. В Самаре предложили сделать ЭКО бесплатным для участников спецоперации // Сетевое издание «63.ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/gorod/2024/11/22/74368019/> (дата обращения: 28.11.2025).
6. Московский ЗАГС отказывается регистрировать четверых малышей, рожденных суррогатными матерями после смерти отца детей // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/06/02/surrogat.html> (дата обращения: 28.11.2025).
7. Ниякая М.П. Проблемы реализации права наследования ребенка, зачатого искусственным способом после смерти наследодателя // 25 лет гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частнопроводного развития: Материалы международной научно-практической конференции (с элементом школы молодого ученого). Тамбов. 2019. С. 719–723.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Московского областного суда от 2 февраля 2022 г. по делу № 33-4577/2022 // Московский областной суд [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=244989116&case_uid=c9d47f9a-e979-4ae7-bdc8-abaa23ba68a7&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 28.11.2025).

11. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 28.07.2025 по делу № 2-5649/2025 // Верх-Исетский районный суд [Электронный ресурс]. URL: https://verhisetsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=517297878&case_uid=2fdf677e-2be3-4efc-b476-cd336797498a&delo_id=1540005 (дата обращения: 28.11.2025).

Об авторе:

ДРОЗДОВ Павел Павлович – аспирант первого года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», email: pdroz dov-sts@mail.ru

Legal regulation of posthumous reproduction: embryo status and the limits of intended parents' will

P.P. Drozdov

Tver State University, Tver

This article analyzes the theoretical and practical aspects of legal regulation of the use of assisted reproductive technologies for the storage and implantation of embryos after the death of one or both intended parents. Furthermore, it identifies a number of issues that require further study and proposals for improving current legislation related to the inheritance rights of children born as a result of posthumous embryo reproduction, as well as the child's right to know their parents. Furthermore, it examines the complexities associated with establishing paternity and maternity for such children and the scope of entities capable of disposing of such embryos, emphasizing the need to develop a mechanism for parents to express their will regarding the fate of embryos.

Keywords: *posthumous reproduction; embryo storage agreement; legal status of embryos; assisted reproductive technologies; establishing the parentage of children; intended parents.*

About author:

DROZDOV Pavel – a first-year graduate student in the Faculty of Law at Tver State University, majoring in 5.1.3. "Private Law (Civil Sciences)", email: pdroz dov-sts@mail.ru

Дроздов П.П. Правовое регулирование посмертной репродукции: статус эмбриона и пределы волеизъявления потенциальных родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 243–250.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025 г.

Подписана в печать 10.12.2025 г.